

Станислав Лакоба

**Александр I:
Асланбей или Сефербей?**

(Историко-психологический очерк)

Сухум — 2022

УДК 93/94
ББК 63ю3(5Абх) 6-8
Л 19

Лакоба С.З.

Александр I: Асланбей или Сефербей? (Историко-психологический очерк). – Сухум. 2022. – 24 с.

Предлагаемый небольшой очерк «Александр I: Асланбей или Сефербей?» посвящен бурным политическим событиям начала XIX в. в России, Абхазии и Мегрелии и представляет собой продолжение работы автора «Асланбей» (Сухум. 1999).

Графика Батала Джапуа

На обложке:

1. Крепость Сухум-Кале из альбома Дюбуа де Монперэ. Париж, 1843 г.
2. Фото надгробия Келешбея, Сухумская крепость.

© С.З. Лакоба, 2022

—❖• Пролог

Существует большой пласт исторической литературы о времени царствования Екатерины II, Павла I и Александра I. Известно, что Екатерина II (годы правления: 1762–1796) желала видеть после себя преемником на Российском престоле не своего сына Павла I (1796–1801), которого она терпеть не могла, а обожаемого ею внука Александра I (1801–1825), которого воспитывала как будущего самодержца.

Павел I (сын Петра III и Екатерины II) хорошо знал об этом предпочтении своей матери и очень подозрительно относился, особенно к концу своего царствования, к сыновьям Александру, Константину и супруге Марии Федоровне. Павел I был безусловно экстравагантным правителем; одни считают его гениальным реформатором, другие — крайне неуравновешенной личностью, которого опасалось все его окружение из «золотых» екатерининских времен. Он был весьма требователен к чиновникам, военным, вводил непопулярные методы управления, что порождало ропот и недовольство в широких кругах российского общества.

К 1799 г. заговор против императора уже созрел, а в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. он был убит в только что отстроенном им Михайловском замке в Петербурге. Идейным вдохновителем заговора был вице-канцлер Никита Панин, а техническим руководителем генерал-губернатор столицы Петр Пален.

Накануне событий Павел I подписал тайный указ об аресте сыновей Александра и Константина, а Пален, заполучивший этот документ, тут же «слил» его Александру, который поддержал заговорщиков, но с оговоркой, что отца не будут лишать жизни, а лишь принудят отречься от престола...

Александр I

Окружению Павла I нужен был другой, предсказуемый, послушный император, которым они смогут управлять.

После осуществления заговора, ночью 12 марта 1801 г. граф П.А. Пален сообщил в Михайловском замке Александру о случившемся. Александр зарыдал. Граф Пален по-французски сказал: «Хватит ребячиться, ступайте царствовать». Александр вышел на балкон и обратился к войскам: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все

при мне будет как при бабушке». В Петербурге по поводу инсульта императора открыто говорили: «Умер от апоплексического удара табакеркой в висок». Общество ликовало в надежде на возвращение екатерининских времен.

В заговоре, естественно, обвиняли и сына Александра, который в результате дворцового переворота стал императором России. Гибель отца, которой он не желал, а был поставлен ловким Паленом перед фактом, — нанесла ему глубочайшую психологическую рану, которая сопровождала его всю жизнь...

Расчет Палена стать при Александре I «серым кардиналом» не осуществился. Участники заговора просчитались. К власти пришел умный, хитрый и проницательный человек. Первым пострадал Петр Пален, который, по требованию матери Александра Марии Федоровны, сразу же, 1 апреля 1801 г. был отлучен от царского двора, удален от государственной службы и выслан до конца дней в родовое имение. До самой своей смерти он развлекал гостей рассказами как убивали императора и очень этим гордился.

—❖— «Великая интриганка»

Так Нину Дадияни охарактеризовал Главнокомандующий русскими войсками в Грузии в 1802–1806 гг. генерал П.Н. Цицианов, военный деятель грузинского происхождения (князь Цицишвили), хорошо знавший владельца Абхазии Келешбея Шервашидзе (Чачба) и мегрельских князей Дадияни.

Кем же она была, княгиня Нина Дадияни?

Нина Георгиевна (1772–1847) была дочерью последнего царя Картли-Кахети Георгия XII Багратиони и княгини Кетеван Андроникашвили. В 16 лет ее выдали замуж за 18-летнего владельца Мегрелии Григория Дадияни. 1–4 декабря 1803 г., после присяги ее мужа Российскому императору и вступления Мегрельского княжества в подданство России, княгиня Нина получила от Александра I высочайший подарок — соболый мех и 10 аршин пунцового бархата. Известен портрет этой неординарной, волевой женщины в собольих мехах и бархате...

Прошло менее года, и 24 октября 1804 г. неожиданно умирает ее муж Григорий Дадияни, в отравлении которого подозревают Нину. В сложившейся ситуации братья Григория начинают претендовать на мегрельский престол за малолетством его 10-летнего сына Левана, который находился в заложниках (аманат) у грозного владельца Абхазии Келешбея. Однако Нина проявила чудеса изворотливости и с помощью П. Цицианова и командующего российскими войсками в Мегрелии генерала Ионы Ионовича Рыкгофа, ее близкого друга, после долгих препирательств с Келешбеем, добивается выдачи своего сына Левана (в обмен на деньги и возврат крепости Анаклия), чтобы стать регентшей (правительницей) при малолетнем сыне. В отличие от ее мужа Гри-

*Владелец
Абхазии
Келешбей
Шервашидзе
(Чачба)*

горя Дадияни, зависимого от Келешбея и Имеретинского царя Соломона II, Нина была самостоятельным игроком, а ее властолюбивый характер отвечал тогдашним российским интересам. Известный русский историк Н. Дубровин называл Нину Дадияни «женщиной отважною, хитрою и самолюбивою»¹.

---

¹ **Дубровин Н.** История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886. С. 198–199.

Вернув сына Левана в Зугдиди, она с 1805 по 1810 г., т.е. до его совершеннолетия, была правительницей Мегрелии. В это время, в июле 1805 г., абхазская область Самурзакан вступает под покровительство России при самом активном участии Нины Дадиани. Местные князья Манучар (женатый на сестре владетеля Мегрелии) и Леван Шервашидзе (Чачба) присягнули на верность Александру I. Только самурзаканский князь Бежан Чачба остался верен Келешбею (впоследствии и Асланбею), в связи с чем стал врагом правительницы Мегрелии. Нина отчетливо понимала: присоединяя Самурзакан к России, Дадиани тем самым распространяли на эту область и свою власть. Ее безусловно яркая личность, присущее ей коварство и редкий изворотливый ум были высоко оценены царской властью. В 1806 г. Александр I награждает правительницу Мегрелии Нину Дадиани Орденом Святой Великомученицы Екатерины (женский орден), вторым по старшинству в иерархии. Отныне она стала именоваться «кавалерственной дамой». Девизом награжденных были слова: «За любовь и Отечество» и «Трудами сравнивается с супругом». Последнее в ее случае звучало весьма двусмысленно...

*Нина Георгиевна
Багратиони-Дадиани*

В 1806 г. Александр I награждает правительницу Мегрелии Нину Дадиани Орденом Святой Великомученицы Екатерины (женский орден), вторым по старшинству в иерархии. Отныне она стала именоваться «кавалерственной дамой». Девизом награжденных были слова: «За любовь и Отечество» и «Трудами сравнивается с супругом». Последнее в ее случае звучало весьма двусмысленно...

По достижении совершеннолетия Левана, Нину Дадиани приглашают (отзывают) в Петербург, чтобы она не мешала сыну и жила здесь в качестве статс-дамы царского двора. В этот период отношение к ней Российской власти стало менее благосклонным. Оно изменилось, как только измени-

лась ситуация, а Нина отыграла главную роль проводника царских интересов в Абхазии и западной Грузии. Так, 18 мая 1820 г. генерал Ермолов негативно отзывался о Нине Дадияни, которая стала настраивать младшего сына Георгия против владетеля Левана (правил: 1805–1840), принимавшего активное участие в разгроме Имеретинского восстания 1820 года. Отмечалось, что во время волнений Георгий вместе с бунтовщиками стрелял в русских солдат. Ермолов, зная беспокойный и властолюбивый характер Нины Дадияни, подозревал ее в кознях против сына Левана. Он запретил ей жить при царском дворе в Петербурге и разрешил пребывать в Москве. Однако, Александр I, разгневанный вероломством Нины, запретил ей в июне 1820 г. проживать в столицах (Петербурге и Москве) и сослал ее в Рязань под надзор губернского начальства. 26 июня 1820 г. Рязанскому губернатору Наумову из Министерства внутренних дел пришло донесение, что из Петербурга должна прибыть член бывшего царского грузинского дома, правительница Мегрелии. Было решено учинить за ней и ее свитой «строгое, но неприметное наблюдение». Она получала от правительства 10 тыс. серебром в год, 3 тыс. пенсии, 11 тыс. на наем квартиры с отоплением и освещением и 3 тыс. на ямской экипаж. С этого времени Нина и сын Георгий жили в Рязани.

Георгий Григорьевич Дадияни (1798 – после 1851), в 1817 г. из Пажеского корпуса был выпущен в Преображенский полк и носил титул светлейшего князя Мегрельского с 21 августа 1834 г. (вердикт светлости пожаловал лично Николай I).

Весной 1837 г. наследник Российского престола Александр Николаевич прибыл в Рязань. Принимая участие в различных мероприятиях, он посетил Нину Дадияни и Георгия. Затем цесаревич со светлейшим князем проехал по

городу в коляске под перезвон церковных колоколов и восторженные возгласы народа.

Буквально через год, в 1838 г., по просьбе кн. Нины Рязанское дворянское собрание внесло князя, генерал-майора Георгия Дадияни в родословную книгу местного дворянства как помещика и владельца деревень Ряжского уезда.

Вскоре после этого события Николай I разрешил Нине Дадияни вернуться ко двору в Петербург. В 1847 г. она скончалась в возрасте 75 лет и погребена в церкви св. Иоанна Златоуста в Александро-Невской Лавре.

—+✧• Многоходовая комбинация княгини Нины

С конца XVIII в. владетель Келешбей контролировал помимо Абхазии и части Мегрелии пространство Черного моря от Анапы до Батума, располагая значительным флотом. Князь был решительным, жестким и зорким политиком. В междоусобных войнах его армия доходила до Кутаиси, а правитель Мегрелии Григорий Дадияни оказался между двух огней: с одной стороны, ему угрожал имеретинский царь Соломон II, с другой — Келешбей. Чтобы опереться на поддержку последнего, он и его жена Нина, вынуждены были отдать в аманаты своего малолетнего сына Левана.

Келешбей впервые обратился к России в 1803 г. с намерением вступить под ее покров. В это время правитель Мегрелии Григорий Дадияни первым в западной Грузии запросился в подданство России, что и случилось в декабре 1804 г. Не последнюю роль в этом сыграла княгиня Нина. По известным причинам она опасалась, что своенравный Келешбей наладит прямые отношения с Россией. Пока владетель Абхазии вынужденно лавировал между Турцией и Россией, Нина Дадияни употребила все свои редкие способности по части дипломатии и «подковерных» игр, в то время как упрямство Келешбея осложняло его отношения с российским командованием.

Наиболее остро эта тенденция проявилась в вопросе выдачи аманата Левана по просьбе его матери княгини Нины, которую поддерживали лично Александр I и генерал Цицианов.

Прошло более года как Мегрелия вступила в Российское подданство и несколько месяцев как умер Григорий Дадияни, а Келешбей все не отдавал наследника престола. Разъя-

ренный Цицианов в письме Келешбею от 21 января 1805 г. потребовал:

«Не могу верить дерзкому вашему поступку, а еще меньше предложениям вашим, чтоб за выдачу Левана, сына старшего и наследника Григория Дадиани, находящегося во Всероссийской подданстве, вы требуете 10 кес и младшего его брата в аманаты. Или вы не знаете, что Мингрелия и дом Григория Дадиани вступили в вечное подданство Е.И.В. всемилостивейшего Государя государей и Богом вознесенного Императора Александра I? Это оскорбление причиняемое оному владетельному дому, относится на всемогущую Всероссийскую Империю? Когда же сильный от слабого требует аманатов, то пристойно ли вам от дома покойного Григория Дадиани требовать сына младшего в аманаты? И так последний раз требую настоятельно от вас того, чтоб вы по получении сего тотчас в безвредном состоянии доставили Левана, сына покойного Григория Дадиани или с.с. Литвинову или ген.-м. Рыкгофу и тогда за содержание его получите 10 кес... Буде же того не сделаете или не скоро, то божусь Богом, в которого верую, что камня на камне не оставлю, внесу огонь и пламень и положу конец дерзостям вашим. О чем уже и приказ дан от меня»¹.

Еще более возмущен был Александр I, лично знавший Григория и Нину, которую одарил подарками. Келешбей не учел этот сильнейший фактор, а кн. Нина не могла не обернуть в свою пользу такое важное обстоятельство.

Спустя некоторое время после ультиматума Келешбею, генерал Цицианов получил из Петербурга Высочайший рескрипт от 26 января 1805 года. В этом судьбоносном и важном для Нины Дадиани документе император Александр I признает ее правительницей Мегрелии.

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 498.

«<...>Кн. Левана, старшего сына умершего Григория Дадзиани, признаю Я владельческим князем Мингрелии, Одиши и Лечгума на том самом положении, на каком отец его поступил в верноподданнические к Империи Нашей обязательства. Товарищу министра¹ иностранных дел кн. Чарторыйскому повелено заготовить для инвеституры кн. Левана в достоинстве сем утвердительную грамоту... без прописания имени его, впредь до разрешения его участи с тем, чтобы в случае какого-либо непредвидимого несчастья, могущего впоследствии с ним у Абхазского владельца Келеш-бека, вы прописали на место его имя старшего по нем брата, который по праву наследства имеет вступить в достоинство и власть владельческого князя Мингрелии. <...> Одобряя мнение ваше о составлении Временного совета для руководства молодого кн. Левана, повелеваю вам объявить, что вдовствующую кн. Нину, супругу умершего кн. Григория Дадзиани, признаю Я попечительницей сына ее и правительницей Мингрельских областей, до совершения им 20-летнего возраста...»².

С этого времени кн. Нина получает неограниченные полномочия в крае и становится самым доверенным лицом лично Александра I, получая безоговорочное признание Петербурга. По сути ей отводилась роль куратора российских интересов, и она стала формировать политическую повестку в отношении будущего устройства Абхазского княжества. Нина ловко использует все просчеты Келешбея, а благодаря тесным личным связям направляет в нужное ей русло имперские интересы, не забывая о своих личных устремлениях. Она хорошо осознает, что при Келешбее и его старшем сыне Асланбее (от первого брака с княгиней

---

¹ Заместитель министра.

² АКАК. Т. 2. С. 498–499.

Дзяпш-ипа) ей не суждено добиться своей цели. А вот слабохарактерный второй сын Келешбея, Сефербей (от брака с крестьянкой Лейба), зять Мегрельского владетеля (женат на Тамаре, сестре Григория Дадияни), весьма послушный Нине, вполне подходил на роль преемника Абхазского престола. В этом смысле она усиленно лоббировала Сефербея в военно-административных кругах империи, всячески очерняя старшего сына Асланбея, главного и законного наследника Абхазского владетеля. Так, прибирая в июле 1805 г. к рукам через российское покровительство область Абхазии Самурзакан, она развязывает кампанию по дискредитации Бежана Чачба, который открыто выступил против Нины и попользований Мегрелии на эту абхазскую область. В том же 1805 г. «согласно желания Императора Александра», правительница Нина направила к высочайшему двору в Петербург депутацию с некоторыми интересными просьбами. Первое, что она лукаво и льстиво просила — дать форму, по которой могли бы в Мегрелии «молить Всевышнего о здоровье Его Величества». Затем депутация ставила вопрос перед царем о пожаловании княгине Нине ордена (что было исполнено в 1806 г.). Были и еще более конкретные пункты для борьбы с внутренней оппозицией: «приказать войскам оказывать помощь... против ослушников», а также просить о возвращении Анаклии, «теперь отнятою Келеш-Бекон, владельцем Абхазским»¹.

О напряженных отношениях с княгиней Ниной свидетельствует и «донесение Келешбека Абхазского» (1806 г.).

«Я слышал, — сообщал Келешбей, — что некоторые из Абхазии, из подвластных Дадияни и из моих людей обносят меня пред вами; но усерднее меня нет никого к службе Рос-

---

¹ Дубровин Н. Закавказье от 1803–1806 года. СПб. 1866. С. 393–394.

сийской, случающейся в здешнем краю; а потому прошу не давать веры словам таких людей, склонных к ссоре, и требовать от меня нужных со стороны здешней услуг»¹.

Однако время Келешбеем было упущено, Россия однозначно сделала ставку на гибкую и ловкую правительницу Мегрелии, которая напрямую обращалась не только к представителям кавказской администрации, но и к самому императору Александру I, который явно отдавал ей предпочтение. В этой связи шансы Келешбея и Абхазии на выстраивание добрых отношений с Россией были почти безнадежными. Очевидно, что Нина лучше разбиралась в хитросплетениях внутренней царской политики, став ее неотделимой и востребованной частью. Отныне в интересах империи принимались во внимание и учитывались только ее доводы и рекомендации, что чувствуется по целому пласту документов.

Вся бурная жизнь Нины Дадияни — это сплошь наветы, заговоры, интриги, паутина, которой она опутывала буквально всех. Энергия ее была через край.

Дворцовый переворот и убийство Павла I имели, судя по всему, серьезные последствия и для будущего Абхазии.

В соседней Мегрелии происходили бурные процессы. После внезапной кончины владельца Григория Дадияни остро стал вопрос о преемственности власти. Многоопытный чиновник Литвинов, лучше всех знавший обстановку в крае, пытался предупредить генерала Цицианова от опрометчивого шага по поддержке кандидатуры княгини Нины. 24 ноября 1804 г. он сообщал Главнокомандующему в Грузии:

---

¹ АКАК. Т. 3. С. 189.

«Жена покойного Дадияни, хотя и была привержена России, но по известным ее “моральным свойствам”, отдав ей верховную власть, нужно было ожидать беспорядков...».¹

Совершенно не случайно и проницательный царедворец Цицианов в ноябре 1804 г., после смерти владельца Григория, по поводу княгини Нины сказал: *«великая интриганка»*.²

Особенно ярко эти ее склонности проявились в вопросе устранения Асланбея, который был явной помехой ее планам. Цель ее заключалась не только в ликвидации Келешбея, но и выведении из игры Асланбея. Нужно было одним ударом сразить обоих: первого физически, а другого уничтожить политически, как прямого наследника престола, чтобы привести к власти своего зятя Сефербея, рожденного от неравного брака Келешбея (по абхазскому праву он не мог быть владельцем). Судя по всему, она получила неограниченные полномочия на проведение данной многоходовой манипуляции, заверив свое военное начальство в надежности Сефербея, который будет действовать под ее крылом в имперских интересах, не раздражая Петербург, как это делал порой своенравный Келешбей. Таким образом Асланбея назначили убийцей своего отца. Не случайно и то, что операция эта была проведена во время перемирия в русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

Интересно, что в день убийства Келешбея Сефербей не находился в Сухуме и не мог быть очевидцем произошедшего. Однако первое сообщение об «отцеубийце» Асланбее генерал И. Рыкгоф получает именно от него, а тот, как только мог, растиражировал клевету. Очернив подобным образом Асланбея, можно было найти формальный повод к его отлучению от престолонаследия³.

---

¹ Дубровин Н. Закавказье... С. 390.

² Дубровин Н. История войн... Т. 4... С. 201.

³ См.: Лакоба С. Асланбей. Сухум. 1999. С. 7.

Только более чем через месяц появляются невероятные эмоциональные подробности этого преступления, рассчитанные на то, чтобы произвести нужное впечатление на императора Александра I. Обращаясь 8 июня 1808 г. к императору России из Зугдиди, она истерично писала:

«Всеокаянный Арслан-бек изменнически убил в Сухумской крепости отца своего Келеш-Ахмед-бека, пребывавшего в любви к нему»¹.

Можно себе представить реакцию императора, которого самого обвиняли в убийстве отца, и он до конца дней своих жил с этим страшным комплексом. Со стороны Нины это был венец многоходовой комбинации, что вполне соответствует ее стервозному, расчетливому характеру.

Тесно общаясь с царскими военными и администраторами, она не могла не знать о слухах относительно участия Александра в заговоре против отца Павла I. Незаживающая психологическая травма царя сыграла вероятно свою роль в данной истории явно провокационного характера. Расчет Нины оказался верным. Одной фразой она добилась того, к чему стремилась. Как мог после этого Александр I признать преемником Келешбея «всеокаянного» Асланбея, убившего отца?

В этом же письме она называет Сефербея «старшим сыном», вводя императора в явное заблуждение. Затем все эти формулировки в точности повторяют Рыкгоф, граф Гудович и многие другие.

Предвкушая счастливую развязку своего коварного плана, она с явным самодовольством и присущим ей нахальством, в том же письме обращается к Александру I:

«И так, самодержавнейший Государь, ныне время удобное принять Сефер-бека под Ваш покров, ибо он есть член

---

¹ АКАК. Т. 3. С. 201.

(нашего дома) и сосед наш, да и прежде находился под рукой нашего владения»¹.

В этом лукавом обращении буквально в каждом абзаце — ложь и лицемерие, искажение и подтасовка исторических фактов.

Если проанализировать все известные первые письма Сефербея после убийства, то в них чувствуется серьезная подготовка к этой провокации со стороны Нины, которая полностью управляла данным процессом и вкладывала в уста своего зятя все, что было необходимо для его возведения на Абхазский престол. Об этом и сам Сефербей проговаривается в своем письме (прошло больше месяца!) от 7 июня 1808 г. к «светлейшей» правительнице Мегрелии и ее сыну Левану Дадияни — *«поревнуйте за меня, чтобы вами мне обещанное не миновало Двора самодержавнейшего Государя нашего»*². Он давал обязательство *«повиноваться и слушаться приказаний главноуправляющего Грузией»*³.

Буквально на следующий день, 8 июня 1808 г. Нина Дадияни пишет не только императору, но и очень влиятельному Главноуправляющему Грузией графу Гудовичу⁴. Здесь все построено на противопоставлении Сефербея Асланбею. Сефербей, помимо того, что ее зять, так он еще и преданный отцу не просто сын, а «старший сын» (наследник престола), да еще и христианин (тогда еще не принял православие и имени «Георгий»), что было очень важно для Петербурга⁵. На фоне Сефербея Асланбей не вписывался в преемники под царским крылом: «отцеубийца» и не христианин, и не «старший сын».

---

¹ Там же.

² АКАК. Т. 3. С. 205.

³ Там же.

⁴ АКАК. Т. 3. С. 201, 203–204.

⁵ Более подробно о его принятии христианства см.: Лакоба С. Асланбей. С. 25–28.

В явном противоречии с действительным положением вещей находится и описание событий после убийства Келешбея — якобы Сефербей со своими сторонниками предал огню и мечу людей и селения Асланбея. Они явно приукрашены, чтобы показать силу и могущество зятя Даддани. Однако все обстояло иначе. Очень быстро выяснилось, что Сефербей бежал в Мегрелию, в то время как владетель Асланбей контролировал не только крепость Сухум, но и всю Абхазию. Обращаясь к командующему русскими войсками в Мегрелии, Сефербей 21 июня 1808 г. умолял ген. Рыкгофа:

*«Подсобите мне теперь войском, если хотите быть мне вашим...»*¹.

В конечном итоге Нина добилась своей цели, правда, первые два года после Келешбея, Абхазский престол возглавлял Асланбей (2 мая 1808 — 10 июля 1810).

Судьба этого правителя была поистине героической и трагической, а в итоге врезалась в память народную как легендарная.

Асланбей неоднократно обращался к России с предложением о вступлении в ее подданство, но его в упор не слышали царские администраторы. Генерал Рыкгоф, ненавидевший Келешбея, отмечал, что Асланбей обращается к нему с письмами, в которых говорит о своей невинности и что убийство отца дело рук «посторонних».²

«Я на письма сии ничем и по сие время ему не отвечаю», — самодовольно замечает генерал Рыкгоф, находившийся под обаянием Нины.

После небольшой паузы Александр I остановил свой выбор на Сефербее-Георгии. Хитроумный план Нины оправдал себя: Асланбея император просто не мог поддержать...

---

¹ АКАК. Т. 3. С. 206.

² АКАК. Т. 3. С. 205.

Она, конечно, рисковала, но была сполна вознаграждена. Асланбей был объявлен нежелательной персоной, а его имидж «отцеубийцы» закрепился за ним в российских политических кругах.

Следует отметить, что Келешбей был в сложном положении. Несмотря на его обращения к России в 1803 и 1806 г., с помощью которой он намеревался избавиться от слабого турецкого протектората, царские власти не доверяли ему. После неудачного похода султанского флота к Сухум-Кале 25 июля 1806 г., в результате которого владелец одержал победу, Келешбей к 1807 г. фактически обрел независимость. «Это был расцвет могущества Келеш-бея», — писал А.В. Фадеев. Вслед за ним Г.А. Дзидзария отмечал: «Почти год он управлял независимой Абхазией и заметно охладел к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в “измене”»¹. По этому поводу высказался и историк И.Г. Антелава: *«Келеш-бей колебался и еще не решился вступить в российское подданство»*².

На этом фоне как-то очень внезапно, почти на год, до самого убийства, прерывается переписка Келешбея с генералом Рыкгофом (8 июня 1807 г.) и графом Гудовичем (14 июля 1807 г.), в которой царские военные и администраторы обвиняли владетеля в ненадежности и что он тайно поддерживает турок³.

В этой связи заслуживает всяческого внимания инструкция Наполеона, переданная его министром иностранных дел Талейраном (17 января 1807 г.), в которой он предлага-

---

¹ Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч.1. Сухум. 1934. С. 145; Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми. 1940. С. 16.

² Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. Сухуми. 1949. С. 81.

³ См. об этом: Лакоба С. Асланбей. С. 13–14.

ет Персии и Турции «образовать вечный союз» с Францией для борьбы с Россией. А от своего посланника в Константинополе генерала Себастиани Наполеон требовал, чтобы турецкая эскадра действовала в Черном море, а усилия Персии были направлены на Грузию. Кроме того он рекомендовал: «Поддерживайте доброе расположение абхазского князя [Келешбея] и побудите его принять участие в большой диверсии против общего врага»¹.

Известный советский историк А.В. Фадеев особо отмечал: «Как видно из этой инструкции, Наполеон неплохо был информирован о положении в Закавказье... Ему было известно, в частности о том, что абхазский владетель Келеш-бек еще не примкнул к России, а потому может быть привлечен к антирусскому блоку, который сколачивала на Среднем Востоке наполеоновская дипломатия»².

Судя по всему, переписка в 1807 г. была интенсивная, а информация о тайных контактах Келешбея с французами не могла не стать достоянием царской разведки и дипломатов. Естественно, все эти закулисные игры раздражали Россию, особенно после поражения под Аустерлицем.

Напрашивается вопрос: не послужил ли внешнеполитический фактор, представлявший явную угрозу интересам России, причиной к принятию решения об устранении Келешбея?

Несмотря на сильнейшее влияние Турции в течение нескольких столетий, Асланбей ни в 1808, ни в 1809 г. не занимал однозначно протурецкую позицию, что продолжалось до тех пор, пока царские власти сами не оттолкнули его от себя. Дело в том, что независимая Абхазия не вписывалась тогда в геополитику, и не нужна была ни России,

---

1 Цит. по: Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М. 1960. С. 174.

2 Там же. С. 175.

ни Турции, ни, тем более, мегрельским владетелям. Так, например, Асланбей обращался к русским властям с намерением «*передать себя подданству государю с крепостью* (Сухум. – С.Л.) *им обладаемую*». Это становится известно из рапорта ген. Д. Орбелиани Главнокомандующему в Грузии А. Тормасову от 7 июня 1809 г.¹ Однако царские власти прислушивались к правительнице Мегрелии, а главное, к решению Александра I — и настойчиво отклоняли эти предложения. Позднее, генерал А.П. Ермолов в своих «Записках» признавал Асланбея владетелем Абхазии («некогда также владетель Абхазии»)².

По прошествии времени царское командование неоднократно ставило вопрос о легитимности власти не только Сефербея (Георгия), но и его сына владетеля Михаила. Возможно, на власти произвели впечатление события, которые последовали вслед за смертью Сефербея и восстанием в июле-сентябре 1821 г., которое было спровоцировано назначением вдовы Сефербея Тамары Дадияни (родная тетя владетеля Мегрелии Левана Дадияни) владетельницей Абхазии и арестом с отправкой в Сибирь (1821–1828) реального претендента на Абхазский престол Гасанбея (Хасанбея) Чачба, другого сына Келешбея (от брака с княгиней Маршан). По этому поводу Главнокомандующий Кавказским корпусом граф Паскевич в 1829 г.³ отмечал, что Михаил Шервашидзе (а значит, и Сефербей) «не есть настоящий наследник сего достоинства» и считал, что гораздо больше прав («по праву первородства») имеется у его дядей. А его дядей был не только упомянутый фельдмаршалом Гасанбей, но и... Асланбей (именно по «первородству»).

---

¹ АКАК. Т. 4. С. 412.

² Ермолов А.С. Записки. 1798–1826. М. 1991. С. 375.

³ Кавказский сборник. Т. 13. Тифлис. 1889. С. 123–124.

—❖• Эпилог

По достижении совершеннолетия Леваном Дадияни, по решению Александра I, его мать Нина была лишена титула правительницы Мегрелии и определена при императорском дворе в Петербурге. Затем она начала выражать недовольство российской политикой в Грузии и стала опальной при Александре I, который неожиданно скончался в Таганроге 19 ноября 1825 г. на 48-м году жизни. Мстительная княгиня не могла простить ему своего унижения. Она решила насолить Александру I даже после его смерти. В 1839 г. ею принимается решение женить сына Георгия на графине Елизавете Павловне фон дер Пален, которая являлась внучкой скандально знаменитого Петра Алексеевича Палена, того самого, бывшего Петербургского генерал-губернатора, организатора и участника убийства Павла I.

Источники и литература

- Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 2 (1802–1806). – Тифлис. 1868.
- АКАК. Т. 3 (1806–1809). – Тифлис. 1869.
- АКАК. Т. 4 (1809–1811). – Тифлис. 1870.
- Русский биографический словарь. [Дадияни Н.Г.]. – СПб. 1905. Т. 6.
- Русский биографический словарь. [Дадияни Л.Г.]. – СПб. 1905. Т. 6.
- Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. – Сухуми. 1949.
- Брикнер А., Шиман Т. Смерть Павла Первого. – М. 1910.
- Время Павла и его смерть: записки современников и участников события 11 марта 1801 года. – М. 1908.
- Гумба М. Келешбей. – Сухум. 2014.
- Гумба М. Сефербей. – Сухум. 2017.
- Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. – Сухуми. 1940.
- Дубровин Н. Закавказье от 1803–1806 года. – СПб. 1866.
- Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886.
- Ермолов А.П. Записки. 1798–1826. М. 1991.
- Зубов В.П. Павел I / Пер. с нем. В.А. Семенова. – СПб: Алетейя. 2007.
- Кавказский сборник. Т. 13. – Тифлис. 1889.
- Лакоба С. Асланбей. – Сухум. 1999.
- Лакоба С. Второй блин, и опять комом. – Нужная газета. 2010. 30 ноября. № 46.
- Папава Т. Большие лица в маленьких рамках. – Тбилиси. 1990. (На груз. яз.).
- Сахаров А.Н. Александр I. – М.: Наука. 1998.
- Синельникова Т. Правительница Мингрелии – светлейшая княгиня Нина Георгиевна в Рязани. – Рязань. 2009.
- Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч.1. Сухум. 1934.
- Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960.
- Эйдельман Н.Я. Грань веков. М.: Мысль. 1986.
- Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. – М.: Высшая школа. 1993.

—❖• Содержание:

Пролог	3
«Великая интриганка»	5
Многоходовая комбинация княгини Нины	10
Эпилог	22
Источники и литература.....	23